

Роковая цифра тринадцать

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Едва только завершился фестиваль «Золотая маска», как стартовал в столице Третий Международный театральный фестиваль имени А.П.Чехова - гигантский марафон длиною в несколько месяцев, в программе которого 52 спектакля практически со всего мира. Российская театральная панорама, представшая перед москвичами во время «Золотой маски», сменяется мировой театральной панорамой - тоже, разумеется, не полной, но все же дающей возможность понять, что же происходит сегодня на подмостках мира...

Афиша фестиваля внушительна. Она радует разнообразием имен, широтой географии, калейдоскопом стилей и эстетических пристрастий сегодняшнего театра. И, конечно, для театралов это истинный пир. Но и возможность понять: с чем же, с какими обретениями и потерями входит мировой театр во второе тысячелетие?

Чеховский фестиваль открылся спектаклями Американского репертуарного театра (Кембридж, Массачусетс) «Шесть персонажей в поисках автора» Л.Пиранделло (постановка Р.Брустина), «Когда весь мир был зеленым...» С.Шепарда (постановка Дж.Чайкина) и «Король-Олень» К.Гоцци (постановка А.Щербана). Этот театр, как сказано в программке, является на сегодня одним из ведущих профессиональных театров США, чья прочная репутация основана на «неуклонном следовании миссии театра - формировать репертуар, включающий в себя новые произведения американской драматургии, незаслуженно забытые пьесы прошлых лет и театральную классику, переосмысленную с точки зрения дня сегодняшнего». Вероятно, спектакль Р.Брустина (художественного руководителя театра, широко известного в Америке театрального критика и режиссера) и нужно отнести к категории театральной классики, переосмысленной с точки зрения дня сегодняшнего. Но что же есть это переосмысление?

Я убеждена в том, что современность звучания сложнейшей пьесы Луиджи Пиранделло не может быть исчерпана элементами капустника, отчетливо заявленными в самом начале спектакля, когда актеры, соби-

ской литературы - юного человека, отгороженного незримыми барьерами от какой бы то ни было смеховой стихии, погруженного в темный мир страстей, страданий, гибельности высоких чувств.

Да, наверное, крепко въелся во всех нас завет Карла Маркса расставаться со своим прошлым смеясь. Несмотря на то, что мы давно уже отменили и осмеяли и Маркса, и его заветы. Но почему-то не над всем хочется смеяться - не приемлет душа карикатурного любовника Звездича (Витаутас Шапранаускас) и шута Неизвестного (Сигитас Рачкис), в первом своем появлении явно испуганного нео-

жиданным поклоном Арбенина (Арвидас Дапшис) настолько, что исчезает, даже не произнося своей реплики. Так же, как сопротивляется душа заглушенному музыкой вскрику Казарина (Регимантас Адомайтис): «Теперь он мой!» и последующей гонке Арбенина через сцену на катафалке, и еще многому-многому другому, такому же смешному, залихватскому...

Огрубление (порой до откровенного опошления), постоянное снижение чувств, мыслей, эмоций ведет к тому, что часть текста оказывается просто ненужной. И, может быть, со всем

рающиеся на репетицию, обсуждают, где находится Тверская улица и Красная площадь, какой платок купила в ГУМе актриса Сэра, с чего надо начинать репетицию «Короля-Оленя», над которым работает режиссер Щербан, и прочие реалии гостевой поездки. Но эти моменты, вызывающие оживление в зрительном зале, к сожалению, становятся единственной придумкой режиссера. Зачем, чего ради обращается сегодня театр к пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» - остается загадкой. А добросовестное прочтение пьесы с момента появления за освещенным занавесом-экраном шести людей в черном до финального повтора мизансцены, когда с шумом падают фанерные фигуры, - ровным счетом ничего не добавляет в осмыслении творчества Пиранделло, как ничего в нем и не опровергает.

Спектакль Роберта Брустина оказался не более чем добротной работой, без шероховатостей, без божества, без вдохновенья...

Эти черты сказались скорее в спектакле «Маскарад» литовского режиссера Римаса Туминаса (Вильнюсский Малый театр). Фантастически, завораживающе красивый, спектакль вызывает совершенно полярные оценки. Мне легко понять тех, кто этой работой очарован, хотя сама я отнеслась к «Маскараду» достаточно трезво, далеко не во всем приняв спектакль. Мне не хватило в нем самой малости - 16-летнего автора драмы, проработавшего над ней несколько лет из короткой и трагической своей жизни. Может быть, одной из величайших загадок рус-

этим можно было бы спокойно примириться (ну мало ли видели мы на своем веку театров, переинтерпретирующих классику до полной неузнаваемости?!), если бы не существовало в спектакле Туминаса параллельной стихии, воплощенной в Нине (Адриа Чепайте), в вальсе Арама Хачатуряна, который звучит постоянно, окрашивая происходящее в трагические тона, в музыку Фаустаса Латенаса, прославившей действие удивительно тонко и точно, наконец, в изумительной сценографии Адомааса Яцовскиса. И эти параллельные стихии, словно лед и пламень - они не сходятся, не оттеняют одна другую...

В программке приведены слова о том, что «Маскарад» Римаса Туминаса - это «трагическое шоу клоунов». Может быть, вот только соизмеримо ли даже в театральном смысле шоу клоунов с трагедией страстей, правящих человеком?.. И не происходит ли здесь очень горькая подмена, в результате которой финальные слова «Маскарада» об изнемогшем «гордом уме», действительно, оказываются абсолютно лишними, как и значительная часть содержания драмы Лермонтова?

Если принять это, то можно от души посмеяться признанию Звездича, что он объездил в поисках браслета весь Петербург на коньках.

Если не принимать - еще семь персонажей остаются в поисках. И общее их число равно роковой цифре тринадцать.

На снимках (сверху вниз): сцены из спектаклей «Шесть персонажей» (Американский репертуарный театр) и «Маскарад» (Вильнюсский Малый театр).

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ